Извеков Аркадий Игоревич, Изотова Маргарита Хаджумаровна

ПРОБЛЕМА "НИЧТО" В ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА: РОЛЬ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СФЕРУ ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛОВ

В статье рассматриваются антиномии значений понятия "Ничто", сформулированных философией экзистенциализма. Эта проблематика напрямую связана с интерпретацией принципиально нового статуса состояния внутреннего мира современной личности. Его можно определить словосочетанием "свобода образования смысла". Историческая беспрецедентность положения провоцирует в человеке чувства экзистенциальной неуверенности и тревоги. В данных обстоятельствах стабилизирующая роль слов оказывается менее существенной, чем музыкальное воздействие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 91-94. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2
Философские науки

В статье рассматриваются антиномии значений понятия «Ничто», сформулированных философией экзистенциализма. Эта проблематика напрямую связана с интерпретацией принципиально нового статуса состояния внутреннего мира современной личности. Его можно определить словосочетанием «свобода образования смысла». Историческая беспрецедентность положения провоцирует в человеке чувства экзистенциальной неуверенности и тревоги. В данных обстоятельствах стабилизирующая роль слов оказывается менее существенной, чем музыкальное воздействие.

Ключевые слова и фразы: Ничто; экзистенциальный переворот; духовная свобода; миф; мифологема; музыка; самосознание.

Извеков Аркадий Игоревич, д. филос. н., доцент
Изотова Маргарита Хаджумаровна
Санкт-Петербургский институт специальной педагогики и психологии
Arkady.izvekov@gmail.com; Izotova.margarita@gmail.com

ПРОБЛЕМА «НИЧТО» В ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА: РОЛЬ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СФЕРУ ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛОВ

Вопрос о Ничто – сложнейший в философии экзистенциализма, но, как ни один другой, является условием понимания существа такого явления, как духовная свобода. Вместе с тем он предельно контрастно высвечивает роль музыки в процессе личностного воспроизводства сферы экзистенциальных смыслов.

Разворот проблемы Ничто, осуществленный Ж.-П. Сартром [13], является вариантом детализации состояния неопределенности смысла [5], первое описание которого можно почерпнуть из работ А. Шопенгауэра или Ф. Ницше. Однако предшественники Сартра определили лишь «внешние», объективно данные признаки ситуации кризиса культуры. Сам он говорит о личностно-субъективном отношении к нему. В этом контексте Ничто, по Сартру, – абсолютно нерешенный вопрос экзистенции, принципиальная неопределенность которого лишает человека способности постичь свою истинную суть.

По мысли А. Камю, универсум в глазах человека оказался лишенным целостности. Вместе с этим и разум – главный инструмент познания, и другие человеческие способности не дают возможности хотя бы приблизиться к отысканию смысла человеческого существования [8, с. 118]. Ибо после «смерти Бога» бытие предстало как абсурд. Камю не формулирует проблему в категориях осмысления Ничто, но понятие абсурда становится его фактическим аналогом [7, с. 244]. Более того, смыслы двух слов раскрывают одну и ту же ситуацию – только с разных сторон. Непостижимость смысла экзистенции сопровождена непознаваемостью смысла бытия как целого.

Тотальная абсурдность мира провоцирует личность на кажущееся невозможным – на преодоление страха потерять жизнь. Так возникает ярко выраженный протест – бунт против бессмысленности. Он обозначает шаг внутреннего перехода в иной «регистр» самобытия. Достигнув его, человек обретает способность трансценденции, выхода за пределы абсурда с иррациональным личностным запросом на осмысленность. Однако и трансценденция не становится средством, чтобы уловить собственное Я.

К. Ясперс словно вторит французским философам. В его терминологии открытость человека к Ничто провоцирует ужас осознания самого себя как «механизма рефлексов» [24, с. 440]. Но признать этот факт как окончательный для человека практически невозможно. Поэтому, вопреки отчетливо данной сознанию бессмысленности мира, личность испытывает потребность определить самое себя как нечто большее, чем мыслящую физиологическую единицу. Но потребность изначально нереализуема, и поэтому возникает массовое состояние страха.

Вместе с тем признание страха – основа спасения. Ибо признание ведет, по Ясперсу, к «парению за пределами наличного бытия». Более определенно об этом сказал В. Франкл, называя это самотрансценденцией [15, с. 4; 16, с. 141]. Вместе с тем «трансценденция есть только тогда, когда мир <…> указывает за свои пределы» [24, с. 426], подчеркивает Ясперс. Но все размышления об ином «сверх мира» ограничены непроходимой границей Ничто. После решения «вопросов техники» остается «немота – не глубина молчания, а выражение пустоты» [Там же, с. 390]. Одинокое вопрошание личности в момент созерцания звездного неба сопровождают безмолвие и тишина.

М. Хайдеггер меняет ракурс вопрошания о Ничто в сторону его парадоксального опредмечивания [21, с. 56; 22, с. 114]. В его знаменитой лекции «Что такое метафизика?» Ничто по сути «онтологизируется» [20, с. 16-27]. Одновременно возникает едва уловимая грань между абсолютным признанием невозможности истока экзистенциального смысла вообще и предельно ясным осознанием человеческой неспособности познать его. М. Хайдеггер переистолковывает ницшеанский тезис «смерти Бога». Это не окончательный вердикт, это – всего лишь фаза перехода к положению непреодолимой неопределенности относительно Бога и богов. Так осуществляется признание факта, что смысл бытия не утерян человечеством навсегда. Смысл – предмет глубоко личностной рефлексии. И существо проблемы в отсутствии опоры, ибо после «смерти Бога» на ее месте всего лишь Ничто.

Неизбывное внутриличностное требование смысла и крайняя беспомощность в процессе его отыскания создают беспрецедентное поле нравственного напряжения. Хайдеггер говорит об этом как о специфическом психологическом состоянии, наиболее точное имя которому – ужас. В одиноком вопрошании о смысле человек апеллирует не к сущему. Оттого обращение «за пределы», к Ничто и не дает духовной тверди в трансцендентном и лишает опоры в имманентном мире сущего. И это вновь провоцирует состояние страха – страха без-*о*бразности и неопределенности скрываемого в Ничто начала мира. Как неоднократно подчеркивал С. Франк, речь идет о некоем таинственном субстрате, который представляет собой непостижимое [19, с. 97].

Условий, при которых Ничто может стать основой для дедукции экзистенциального смысла, не существует. Любые слова о Ничто остаются всего лишь словами, истинный смысл которых непроверяем. И в то же самое время именно человеческая открытость к Ничто дает надежду преодолеть страх смерти в условиях тотального абсурда.

Так, посредством разворота вопроса о Ничто экзистенциальная философия в действительности осуществила постановку проблемы духовной свободы. Ни одна форма человеческого мышления не в состоянии сформулировать универсальную, объективную концепцию смысла человеческого существования. И вместе с тем ни одна форма мысли не способна убедительно доказать, что бытие действительно обессмысленно, абсурдно. Это лабильное положение личности в пространстве смыслов крайне болезненно. Однако только оно, вопреки обстоятельствам неопределенности, становится возможностью обрести духовную независимость от имманентной привязанности к сущему, и *духовная свобода образования смысла* не растворяется в процессе воспроизводства условий существования [18, с. 74].

Существо экзистенциального переворота состоит, прежде всего, в возникновении новой специфической формы повествования о личностном смысле. Это своего рода «новая мифология», принципы самолегитимации которой пока еще не вполне понятны. С одной стороны, Ничто как последствие «смерти Бога» уничтожает условие доверия всем старым мифам. Ж.-Ф. Лиотар сказал об этом как о недоверии метанарративам [9]. Но, с другой, Ничто бессильно противопоставить что-либо уверенности в личностном рассказе о смысле мира. Напротив, его принципиальная непознаваемость – предпосылка человеческого права на трактовку меры его истинности.

Существо «новой мифологии» было предопределено событиями кризиса культуры более чем столетней давности. Однако и до сих пор оно остается в основном нераскрытым гуманитарным знанием. Ясны лишь некоторые основные принципы. Исток личностного мифа, репрезентирующего экзистенциальный смысл, для сознания отсечен границей Ничто. Максимум человеческой претензии лимитирован возможностью чисто гипотетического и только вероятностного определения основания дедукции смысла. Истинность и несомненность повествования об истоке определяются лишь предположительно и только по акциденциям, ни в коей мере не удостоверяющим его сущность. Поэтому вся последовательность выводов о смысле мира экзистенциально нестабильна.

Гипотетически устойчивость может возникнуть лишь у субъективного *символа* основания. Он репрезентирует объективно не представимое и закрепляется в мифологеме – структурной основе будущего мифа, являющейся «последней инстанцией» мышления перед границей Ничто. Мифологема обозначена экзистенциалами осмысления экзистенции, и ее предназначение – утвердить приоритет доверия своему мифу и над невозможностью определить существо Ничто, и над прагматическим дискурсом чтойности мира.

Личностный миф, как и любой другой, является «живой реальностью», в основе своей не нуждающейся ни в какой логической системе [10, с. 193]. Но он лишен свойств универсальности и обладает достоверностью только в глазах субъекта. Это своего рода метод отношения к окружающему миру, посредством которого человек обретает независимость нравственного суждения. Подобная отрешенность – основное условие самолегитимации личностного мифа.

Мифологема как «способ» отношения к действительности не содержит в себе метода самопостроения. Признать необходимость выстроить свою мифологему – еще не значит знать, как это сделать. Данное затруднение существенно усложняется противоречием: необходимость доверия личностной мифологеме неразрывно сопряжена с недоверием любой из них.

Признание права «претензии на трансцендентное» обрекает человека на безуспешный поиск образа, посредством которого он пытается достичь недостижимого по определению: Скрытое в Ничто основание мифа должно выступить сколько-нибудь представимо, что, конечно же, есть антиномия, составляющая непреложную характеристику экзистенции. Ностальгия по Абсолюту перед границей Ничто – без-*о*бразна, ибо не предполагает образа объекта, вызвавшего это чувство. Ее экспликация возможна только в абстракции, в цветовой гамме, шумах природы, музыке. И именно музыка содержит наибольший потенциал в обретении метода воссоздания личностной мифологемы.

Музыка оказывает решающее психологическое воздействие на человека. Она способна передавать его переживания, движения чувств, эмоционально-психологические состояния, их смены и взаимопереходы. При этом «музыка может выразить целый мир чувств и идей без посредства слова» [4, с. 94]. Действительно, слово универсально и присутствует во всех областях человеческой деятельности. Сфера бытия музыки несравненно уже, она ограничена музыкальным искусством. Но только музыкальный язык способен образно отразить и моделировать явления, конкретная форма которых не обнаруживается в бытии.

Посредством создания эмоционального ряда музыка воспроизводит черты реальной структуры того, что вербально не передаваемо. Она в состоянии ретранслировать то, что в условиях неопределенности совершенно

недоступно рассудочному постижению [11, с. 145]. Поэтому в момент экзистенциального «противостояния» Ничто знаковая система музыкального языка предоставляет единственно возможный объем средств стабилизации внутреннего мира личности.

Глубокие эмоциональные реакции, возникающие при прослушивании музыки, обусловлены тем, что по своей структуре музыка наиболее близка естественному восприятию человека. Музыка свободно, непосредственно, ненавязчиво и одновременно сильно воздействует на личность, вызывая глубокие эмоциональные реакции. В психологии известно, что объектирование, перевод эмоций в сознательный план способствуют их ослаблению [6; 12]. Отрицательные эмоции теряют свою избыточную отрицательность, положительные избавляются от нежелательной избыточности. Музыкально выраженные эмоции способствуют их мнестическому закреплению, обуславливая возможность репродукции, использования в ситуациях категориально-понятийной неопределенности.

Интонационная природа музыки, оформленная ритмом, мелодией, гармонией, априори содержит в себе колоссальный психокоррекционный потенциал. Музыка в значительной степени обращена к бессознательному и рефлекторному. Благодаря эмоциональной насыщенности музыка передает содержание и силу чувств человека, обходя «контроль Эго». Благодаря абстрактности – создает образы, не опираясь на содержание конкретного предмета. Благодаря ассоциативности – актуализирует все самое плодотворное из жизненного опыта. Благодаря синтетичности – воспроизводит целый комплекс ощущений. Благодаря эстетичности – передает разные стороны действительности [23, с. 329].

Обогащенный арсенал психических свойств личности может быть направлен на разрешение важнейших экзистенциальных задач, сложнейшая из которых – обретение символа основания для «прорисовки» смысловой картины мира. Ибо музыка не просто способствует осознанию уже сложившихся эмоций. Она специфическими средствами воссоздает чувственно-эмоциональное состояние, то есть содержание чувства [1, с. 129].

Музыка раскрывает общий характер явлений действительности, не конкретизируя в отражении предметную сторону явлений. Например, величавое спокойствие или напряженный динамизм, упоительное созерцание или драматическое отчаяние, грандиозность или хрупкость, также и общий характер процессов развития явлений – постепенность или внезапность, количественные накопления и качественные скачки, борьбу противоположных сил. В этом и заключается познавательное значение музыки, способность к воплощению не только широкого мира чувств, но и мыслей и идей.

Последствия экзистенциального переворота таковы, что полнота чувства более важна для мифологемы, чем предельная ясность смысла понятий. Музыкальная субкультура способна стать условием полноты человеческого чувства, дающего не логическую определенность, но духовную твердь основы, на которую опираются рациональные «конструкции» личностного мифа об экзистенциальной сфере смысла.

Совершенно не удивительно, что использование музыки как средства психокоррекции становится все более актуальным именно в логотерапии [17, с. 204]. Музыкальное переживание как разновидность эмоционального познания [14, с. 198] крайне эффективно там, где духовно свободной личностью востребована определенность экзистенциального контекста, но не решена проблема эмоциональной устойчивости перед «границей Ничто». Воссоздание средствами музыки содержания чувства через чувственно-эмоциональные состояния – важнейший метод конструирования незыблемой основы, на которую опирается самосознание. Не случайно Л. Выготским восприятие музыки трактуется как «…сложнейшая конструктивная деятельность, осуществляемая слушателем или зрителем и заключающаяся в том, что из предъявляемых внешних впечатлений воспринимающий сам строит и создает эстетический объект» [2, с. 121].

Г. Гадамер сказал, что музыка является неотъемлемой частью человеческой культуры и одновременно способом приобщения человека к культуре [3, с. 114]. Через эмоцию она дает человеку уверенность, что в своей претензии на определенность системы экзистенциальных смыслов он не одинок, не беспомощен и не бесправен. Что его претензия – не химера, напротив, у нее есть явная нравственная опора. И хотя ее конкретные черты теряются за границами Ничто, все же музыка отсылает еще дальше, к трансцендентному первоистоку всего лучшего в человеке и человечестве.

Только язык музыки способен отразить абсолютно реальные явления, конкретная форма которых тем не менее словесно не обнаруживается в бытии. Только музыка передает то, что вербально не определимо. Только полнота музыкального чувства превосходит предельную ясность смысла слов, неспособных, увы, дать ответ на вопрос «Зачем все?».

Что есть каждый из нас в своем одиноком вопрошании не о смысле слов, но о смысле бытия? Что есть каждый из нас, ищущий свое место в бытии? Растерянность и неопределенность – неизбывные субстанциональные состояния внутреннего мира – сопровождают каждого из нас в моменты обращения интимного запроса к звездам, безмолвно мерцающим на периферии Вселенной. Волнующее мгновение ничем не уравновешенного единения вопрошающего человека и Мироздания, умиротворяет только музыка. Только музыка наполняет неясное человеческое чувство гармонией эмоционального содержания. Оно дарует пусть не логическую определенность, но иррациональную незыблемость тверди духовной основы, на которую сознание нанизывает рационализированные пластинки слов, складывающихся в нерушимую пирамиду смысла жизни.

Список источников

1. **Беляева-Экземплярская С.** Музыкальная герменевтика: в 4-х т. М.: Искусство, 1927. Т. 3. Кн. 4. 359 с.
2. **Выготский Л.** Психология искусства. М.: Искусство, 1986. 572 с.
3. **Гадамер Г.** Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.

4. **Гозман Л.** Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987. 175 с.
5. **Извеков А. И.** Духовная свобода как индетерминированность формирования динамической системы смыслов личности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2015. № 10 (60). Ч. 1. С. 103-108.
6. **Казанджиева-Велинова З.** Музыка, воздействие, аудитория. София: София-Пресс, 1984. 191 с.
7. **Камю А.** Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
8. **Камю А.** Избранные произведения. М.: Панорама, 1993. 448 с.
9. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
10. **Лосев А.** Диалектика мифа. М.: Академический проект, 2008. 303 с.
11. **Медушевский В.** О содержании понятия «адекватное восприятие» // Восприятие музыки: сб. ст. М.: Музыка, 1980. С. 141-155.
12. **Назайкинский Е.** О психологии музыкального восприятия. М.: Музыка, 1977. 381 с.
13. **Сартр Ж.-П.** Бытие и Ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
14. **Теплов Б.** Психология музыкальных способностей. М.: Наука, 2003. 378 с.
15. **Франкл В.** Десять тезисов о личности // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2005. № 2. С. 4-13.
16. **Франкл В.** Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 285 с.
17. **Франкл В.** Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000. 285 с.
18. **Франкл В.** Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
19. **Франк С.** Смысл жизни. М.: АСТ, 2004. 157 с.
20. **Хайдеггер М.** Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
21. **Хайдеггер М.** Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 333 с.
22. **Хайдеггер М.** Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
23. **Эко У.** История красоты. М.: СЛОВО/SLOVO, 2005. 440 с.
24. **Ясперс К.** Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

PROBLEM OF "NOTHING" IN PHILOSOPHY OF EXISTENTIALISM: ROLE OF MUSIC INFLUENCE ON THE SPHERE OF PERSONAL SENSES

Izvekov Arkadii Igorevich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Izotova Margarita Khadzhumarovna
Saint Petersburg Institute of Special Pedagogy and Psychology
Arkady.izvekov@gmail.com; Izotova.margarita@gmail.com

The article deals with antinomies of the meanings of the concept "Nothing" formulated by philosophy of existentialism. This problem is directly related to interpretation of a fundamentally new status of the state of the contemporary personality's inner world. It can be defined by the phrase "freedom of meaning formation". Historical unprecedentedness of the situation provokes the person's feelings of existential uncertainty and anxiety. In these circumstances the stabilizing role of words is less significant than musical influence.

Key words and phrases: Nothing; existential revolution; spiritual freedom; myth; mythologeme; music; self-consciousness.

УДК 433.908
Исторические науки и археология

В данной статье рассматривается деятельность уфимского губернатора И. Ф. Щербатского (1873-1876 гг.) по борьбе с пожарами в Уфимской губернии. Чиновник для предотвращения пожаров предлагал устранить неисправность печей и дымовых труб, пресечь возведение незаконных построек при несоблюдении правил противопожарной безопасности в самом начале строительных работ, приобрести огнегасительные инструменты и гидропульты. Автор приходит к выводу, что, несмотря на принимавшиеся меры, количество пожаров в губернии не уменьшилось.

Ключевые слова и фразы: губернатор; И. Ф. Щербатский; Уфимская губерния; деятельность; пожары.

Кантимирова Резида Ильгизаровна, к.и.н., доцент
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
kantimirova.rezida@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УФИМСКОГО ГУБЕРНАТОРА И. Ф. ЩЕРБАТСКОГО ПО БОРЬБЕ С ПОЖАРАМИ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта СФ БашГУ, проект № В 17-68.

Ипполит Федорович Щербатский родился в 1827 г. в дворянской семье и получил образование в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге. После окончания учебы 2 августа 1843 г. он вступил в службу и был произведен в корнеты. В том же году получил звание поручика [3, д. 243, л. 2].